

УДК 83.16

DOI: 10.31029/vestiyali21/7

ОБРАЗНАЯ СИМВОЛИКА В ЦИКЛЕ СТИХОВ МАРИАН ШЕЙХОВОЙ «КАМНИ МОЕЙ РОДИНЫ»

З. К. Магомедова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Цикл стихов «Камни моей родины» – во многом знаковый для Мариан Шейховой (Миясат Муслимовой). Позиция, тон автора, выбор средств заложены в самом материале, определены самой темой, отраженной в названии. В стихах жив дух гор, дух земли Дагестана, который не только диктует темы, но и окрашивает поэзию М. Шейховой национальным колоритом, экзотикой горного антуража.

Ключевые слова: Мариан Шейхова, гражданская поэзия, творческое пространство, индивидуальная окрашенность, автобиографическая основа, ностальгические мотивы, поэтическая речь.

The cycle of poems "Stones of my homeland" is significant for Marian Sheikhova. Position, tone of the author and the choice of means are laid in the material, are determined by the very theme of the book reflected in the title. The spirit of the mountains, the spirit of the land of Dagestan lives in poems and not only dictates topics, but also stains the poetry of M. Sheikhova by the national color and the exotic mountain surroundings.

Key words: Marian Sheikhova, civic poetry, creative space, individual coloration, autobiographical basis, nostalgic motives, poetic speech.

Мариан Шейхова (Миясат Муслимова) – автор поэтических сборников «Ангелы во крови» (2005), «Наедине с морем» (2009), сборника публицистики «Испытание свободой» (2009). Сборник стихов «Диалоги с Данте» (2010) – книга, посвященная современному Кавказу и уже вызвавшая интерес у читателей страны и ряда стран ближнего и дальнего зарубежья.

Здесь под одной обложкой помещены несколько циклов стихов: «Нико Пиросмани», «Камни моей родины», «Путешествие русской учительницы Эльвиры Горюхиной на Кавказ», «Диалоги с Данте».

В ее поэзии и публицистике осмысливаются исторические катаклизмы, масштабные события последних двух десятилетий. Поэт становится летописцем многих из них. Для того чтобы передать свое беспокойство за глубокие проблемы региона, нужно, по крайней мере, ощутить глубину этих проблем. Вся окружающая обильная информация – всего лишь отправной момент, который в истинной поэзии должен вести к философскому, художественному обобщению, поэтическому синтезу. Так рождаются стихи «Чьих будете?», «Одна надежда», «Хроника», «Смерч», «Как опасно ложатся слова», «Как у больного в изголовье». Гражданская поэзия становится основным, краеугольным основанием творческого пространства Мариан Шейховой.

© З. К. Магомедова, 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

«Все лучшие поэты России писали гражданские стихи – Державин, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок, Маяковский, Ахматова, Цветаева... Список можно было бы и увеличить, а исключения достаточно редки...», – отмечает известный поэт Евгений Рейн, справедливо полагая, что «исчезновение гражданственности свидетельствует об обмелении стихового потока, о его недостаточности. Один и тот же поэт пишет «Снежную маску» и «Двенадцать», «Поэму без героя» и «Когда в тоске самоубийства...». Истинная большая поэзия не может быть пресной, а *непресность* ее каким-то образом связана с наличием гражданской ноты» [2, с. 206].

В текстах М. Шейховой, публицистических и поэтических, речь идет не только и не столько о жизни в контексте политических и социальных реалий, хотя именно они в основе мировоззрения автора, но о естественном, нормальном достоинстве человека, о чувстве личной ответственности и даже вины за все происходившее и происходящее. От этих текстов исходит ощущение внутренней свободы, естественности. Она не боится никаких тем, никакого ракурса. Настоящее и прошлое высвечивает одно через другое, не отменяя друг друга и не отрицая. Именно благодаря этому усиливается звучание ее стихов, они становятся многослойными.

Вопреки тенденции к так называемой «ситуативной этике», когда размывается грань между добром и злом и человек ведет себя применительно к обстоятельствам, ее тексты напоминают о том, что в самые смутные времена можно и должно жить достойно, ориентируясь на приоритеты духовных и общечеловеческих ценностей.

*Горшком отравленного блюда
Внутри дымился Дагестан.
(Б. Пастернак)*

Как у больного в изголовье
Молчат тревожные слова,
Там виноватое здоровье
Сдаёт румяные права.

Молчи, не сдавшаяся совесть,
Не возмущай большую рать,
Здесь жизнь – отравленная повесть
О том, что некому читать.

Здесь толмачи, как конокрады,
Оставят день без скакуна,
За чистоту и свет наградой
Развеют пеплом имена.

Идут охотники за кровью,
Капканы ставят на орлов,
И боль сиротскую и вдовью
Несут на торжище грехов [3, с. 89].

(«Как у больного в изголовье...»)

Образ мира имеет здесь собирательное, символическое, метафорическое значение, что, конечно, не исключает его индивидуальной окрашенности, личностных корней, автобиографической подоплеки. Необходимо подчеркнуть, что при всей соотнесенности с живописными историческими событиями произведения этого цикла выходят за рамки общественно-политических мотивов. Ключом к пониманию философской композиции автора, определяющим ее проблемно-смысловую тональность, является образ покинутых аулов, заброшенных домов, засохших пашен.

Шейхову не мучает ностальгия по былому величию державы, лишь только грусть, окрашенная оттенком личной горечи. Она сумела достаточно отчетливо увидеть тенденцию разрыва горцев с родными очагами, дополнить многоцветной гаммой социально-политических настроений и личных переживаний.

Она не раз признавалась в своем творчестве, что в ней жив дух гор, дух земли Дагестана. И сила этого духа такова, что она не только диктовала темы, но порой окрашивала поэзию Шейховой национальным колоритом, экзотикой горного антуража. Ее поэзия полна достоинства, ее откровенность всегда на грани со сдержанностью, ее эмоции всегда словно недосказаны. Родина открывается Мариан через призму родной суровой природы. Отсюда «мужественность» ее лирики, посвященной Кавказу.

В цикле «Камни моей родины» многие сюжетные линии тянутся из мира ее детства, конкретных жизненных фактов. В них сконцентрированы и в художественной форме транслируются культурные традиции, жизненная философия и духовно-практический опыт ушедших поколений, некогда населявших эти опустевшие теперь горные села.

В стихотворении «Каменный триптих» Шейхова обращается к прошлому, к своим предкам, обезлюдевшим местам, где некогда кипела жизнь. Эти тексты пронизаны сугубо национальной символикой и включают идею непознаваемости онтологической сущности сакрального мира гор, который является основой национального мировоззрения.

Одной из ведущих констант культуры является константа «дом». Авторская реализация концепта «дом» в текстах о родном селе дает возможность реконструировать фрагмент картины мира, культурного контекста покинутой родины, напомнить миру и себе о ценностях составляющих родной земли. Здесь присутствует литературная ситуация «возвращение в дом своего детства». Домом стали для автора именно горы, во всей совокупности их составляющих: камни, травы, воздух, земля, люди, говорящие на родном языке. Мариан с болью пишет о том, что дом родной опустел, картины запустения во всем.

Опустевшее родное село возрождает в памяти картины прошлого. Мариан помнит запахи, картинки, звуки минувшего детства:

Здесь хлеб с чабрецом не пекут и дым не горчит над селом,
Убринские жены кувшин к роднику не поднимут на плечи.
В пахучие травы коровы не ткнутся шершавым теплом,
И вечер не выйдет навстречу отарам овечьим
Под говор реки и напевы родной лакской речи [3, с. 40].

(«Каменный триптих»)

По сути, писательница излагает философию бытия, которая пробивается в ее стихах о родине. «Кладки речного камня родины рождают поэзию, сохраняющую красоту исчезающих миров. Эти миры исчезают так незаметно, что мы не успеваем даже зафиксировать их тихий уход. Как у Маркеса, у каждого есть свое Макондо – малая родина, об угасании которой с такой грустью он поведал миру», – пишет во вступительной статье к данному сборнику Сулиета Кусова, раньше и лучше других сумевшая проникнуть в самую суть поэтического космоса Мариан Шейховой [1, с. 6].

На крыше мама с кувшином
День с молоком взбивала,
Желтое масло в лоцины
Густо стекало.

В спину толкает ветер, тминной обидой веет,
На подошвах крестьянских ног уносим останки земли,
Станут ладони мягче и души чуть-чуть слабее,
Чтобы не слышать, как в поле ищут зерно ковыли [3, с. 43].

(«Это твое Макондо»)

Многие ее поэтические произведения решают сложнейшую задачу сочетания двух принципиально разных культур, каждая из которых имеет своеобразную традицию. Одна – та, в которой родилась, другая – в которой воспитывалась в юности и зрелые годы. Связь ее с родиной составляет тот фундамент, ту площадку, с которой стало возможно обращение к новым в поэзии темам.

Значимость стиха во все времена измеряется мыслью, заложенной в его основе, и образностью, которая делает эту мысль достоянием поэзии, а своеобразие ритмического строя должно вместить рождающийся в воображении поэта сплав образа и мыслей.

Немногословно и сдержанно выражает она все эти чувства. Какая-нибудь небольшая, но выразительная деталь так насыщена у нее скрытыми эмоциями, что заменяет собой десятки патетических строк.

На каком языке говорит твоя ночь, на каком языке?
Спит короткая память столетий в насечке кладбищенских дат,
Время вязнет шершавой печалью в наскальной строке,
Осыпается щебнем в ладони грядущих утрат.

.....

Семь веков поминают свой дом на руинах мечети Убра,
Подставляют могучие плечи оседающим в землю камням,
И рассветные ветры сотрут им испарину силы со лба,
И наполнят студеной росой тоску по засохшим корням.

Семь веков поминают свой дом на руинах мечети Убра
И читают священные книги кладбищенских дат,
Чтоб, проверив ушедшую жизнь на скрижалях добра,
Сохранить ее речь на погосте надежд и утрат [3, с. 49].

(«Там, высоко...»)

Характерный для поэзии Шейховой высокий романтический гиперболизм, поэтическая речь, построенная на сравнениях, ассоциативной символике, в которой заложена эмоциональная и емкая оценка, способны создать у читателя ощущение жизненной достоверности описываемого, преодолеть стереотипы клишированной поэзии «на тему». Одновременно в образной системе ее стихов очевидно проступает сплав традиций и новаторства.

Новизну в стихах Шейховой можно наблюдать на разных уровнях – содержательном, тематическом, смысловом. Она пристально вглядывается как в современность, так и в историю, в том числе древнюю, обращается к мифологии так же часто, как и к событиям наших дней.

* * *

Мой дальний предок дерзость проверял
Высоким помыслом и равенством ответа.
Ныне
Хранит Убра, уснувшее в руинах,
Кладбищенское воинство камней.

Нет ближе неба, нет земли родней, –
Напомнят нам старинные заветы [3, с. 53].

Одна из особенностей ее поэтики – в прерывистости поэтической речи, порой напоминающей устную речь, в неожиданности смысловых переходов, в паузах. Зачастую автор пунктирно обозначает тот или иной мотив, развитие которого происходит уже в другом сти-

листическом дискурсе. Это определяет стилевую специфику текста, создает определенную интерпретацию реальности, способствует многомерности видения картин заброшенных аулов.

На каменных трезубцах Турчи-Дага струится сок гранатовых рассветов,
Упругий день взбирается по кручам, чтобы спустить с вершины облака
Как вечность молода, когда в порывах ветра
Бурьяном стелет путь, бесплотна и легка! [3, с. 60]

(«Выше»)

Изобразительно-выразительные формы ее поэтических текстов часто необычны, непривычны, когда речь идет о суровых горах: «струится сок гранатовых рассветов», «постаревшая нежность, затаенная в камне», «в спину толкает ветер / тминной обидой веет», «на крыше мама с кувшином / день с молоком сбивала», «старинные плиты устало / встречают уставших гостей».

Употребленная в цикле стихов «Камни моей родины» главная, смыслообразующая метафора, отраженная в названии, становится образом-шифром, концентрирующим в себе современность и историю, растворенную в воздухе родины, в сознании ее соотечественников, в родном языке.

Другим важным смыслообразующим фактором в формировании психологического облика лирической героини Шейховой является личная ее биография. Авторское «я» возникает в окружении видимых биографических черт и мотивов. Когда она пишет о людях гор, которых знала, то понимаешь, что главным духовно-нравственным ориентиром для нее стали именно они, чьи образы предначертали для потомков линию поведения, систему ценностей и по-горски стоический тип мировоззрения.

Многие образы данного цикла, появившись в разных текстах и оказавшись логически связанными, не могут не вызвать поэтические аллюзии, превращающиеся в своеобразный «метасюжет». Правда, нужно обладать абсолютным поэтическим слухом, для того, чтобы голоса поэзии и жизни вступили в такую переключку, не нарушая чистоты звука.

Шейхова не просто выражает свои чувства, эмоции, она предлагает осмыслить их своему читателю. Автор хорошо понимает, что никакое напряжение мысли, никакое умственное усилие не вернут нам прошлого, не позволят вновь пережить его, потому ее строки лишены надрыва. Абсолютная естественность, никакого стремления к эффектному самовыражению, лишь спокойная интонация человека, прожившего все эти эмоции в своей душе и теперь рассказывающего миру о своей потерянной маленькой родине. У истинной поэзии – свои возможности преодоления хаоса, ибо она магия, она часть интуиции и истина во всех своих проявлениях.

Мою несбывшуюся жизнь хранит бессмертник желтоглазый,
Цикорий синь ей обещает, тмин горный луг штрихом чернит,
И подорожник у дороги, не зная дней пустых и праздных,
Под пылью в поле зеленеет, целебной горечью манит.

Мое утраченное детство разбегом клевера ложится,
И слепотой куриной машет, пастушьей сумкой теребит.
У мамы руки пахнут мятой, морщины бабушки – корицей,
А дед орех мускатный в чашку неторопливо крошит.

.....

Моя несбывшаяся жизнь – село, деревня, травы, поле...
Перебирает ветер листья и шлет мне письма без конца.

В плену у времени скитаясь, пою о памяти и воле
И растревоженные раны лечу глазами чабреца [3, с. 71].

(«Было – не было»)

При всей трагичности бытия, такие отношения с миром не могут быть нерадостными. Здесь мы видим отход от темы «камня» и обращение к образу «травы», «цветка», что влечет за собой преобладание более мягкой, лирической интонации, а перечисление названия ароматных лечебных трав наводит на мысль о более светлых минутах пребывания поэта в горах. И если во многих ее текстах заметно стремление отодвинуться в тень, не навязывать никому свое «я», то здесь ее личность выдвигается на первый план, а травы, бережно ею перечисляемые, становятся памятными вехами в ее жизни.

В цикле «Камни моей родины» Марьян Шейховой удалось совместить сюжетные и композиционные стороны стихов в единое эстетическое целое. Следует особо отметить самобытность ее лирической героини: автор при максимальной биографической и мировоззренческой откровенности избегает психологизма, как бы показывая, что личное заслуживает внимания без погружения в себя самого. Ее целью было рассказать о своей родине, а в целом – о Кавказе всем, кто это хотел бы знать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кусова С. О, моя усталая родина // Шейхова М. Диалоги с Данте. Махачкала, 2010. С. 5–21.
2. Рейн Е. Поэзия и гражданственность // Знамя. 2002. № 10. Эл. ресурс: <https://magazines.gorky.media> – Журнальный зал.
3. Шейхова М. Камни моей родины // Шейхова М. Диалоги с Данте. Махачкала, 2010. С. 39–114.

Поступила в редакцию
29.02.2020.

Магомедова Зулейхат Кадиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН; e-mail: m.zuleyha68@mail.ru

Magomedova Zuleikhat Kadievna, Doctor of Philology, leading research worker, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS; e-mail: m.zuleyha68@mail.ru